

ИЗВЕСТНЫЙ писатель и драматург раскрывает тайны истории и своего творчества.

Охотник за документами

- ОФИЦИАЛЬНЫЕ историки обвиняют вас в том, что с историческими фактами вы обращаетесь весьма вольно. Мол, для Радзинского в истории плюс-минус 50 лет ничего не значат.

- Они горько ошибаются. Для меня ничего не значит даже тысяча лет. Нерон, Николай II, Казанова, Сократ, Екатерина Великая, Иван Грозный, Наполеон, Лжедмитрий, Распутин, Сталин... Моих героев порой разделяют не сотни, а тысячи лет. Но они для меня куда более реальны, чем нынешние люди. Я знаю их тайны, их привычки, я вижу дворцы и лачуги, в которых они жили. Я присутствую при их рождении и могу подробно описать их смерть. Ибо это и есть моя профессия - Путешественник во времени.

Один западный историк написал о моем романе о Сталине: "Как историк я не нашел в нем много нового. Но там есть он. Он там живой. И я молю Бога, чтобы страшный дух, порожденный этой книгой, побыстрее оставил меня".

Да, в моих книгах всегда есть игра воображения... Но лишь настолько, насколько мне позволяют исторические документы. Я пытаюсь осветить загадочные события в жизни героев, но обязательно с помощью "фонаря" из документов. Например, почему Николай II в 1917 году, хотя его неоднократно предупреждают о заговоре в Петрограде, все-таки отправляется на фронт - оставляет столицу во власти заговора? Почему уже в дни начавшейся революции записи в его дневнике - такие спокойные, даже равнодушные? Что за всем этим? Обреченность, абсолютное непонимание происходящего? Или еще что-то? Ответы на эти вопросы я нахожу в Дневнике, который Николай вел на протяжении всей своей жизни. Там - разгадка. Ибо, только зная Дневник, можно понять парадоксальный характер этого скрытнейшего мистика...

Это же постоянный труд - завораживающая архивная охота за документами. И в своих главных книгах я впервые опубликовал важнейшие новые документы, без которых после меня уже не обходятся те самые историки, правда, весьма редко на меня ссылающиеся. К примеру. Долгое время считалось, что Ленин ничего не знал о расстреле царской семьи. Будто бы все решил Екатеринбургский совет. Но я впервые опубликовал телеграмму руководителя Екатеринбургского совета Ленину, из которой стало ясно, что Ленин не только знал о готовящемся расстреле царской семьи, но был его инициатором! И впервые опубликовал показания многих участников расстрела Романовых. Так что в своей книге, описывая расстрел, я смог не написать ни единой строчки от себя. Все рассказали они, участники расстрела.

«Я выбрал свою долю»

- В КОНЦЕ 80-х американский журнал "Back Stage" ("Кулисы") называл вас самым ставящимся на Западе русским драматургом после Чехова. Но в один момент вы вдруг взяли и от театра отказались.

- Ставился я тогда широко не только на Западе. В 1989 году у меня в Москве шли, по-моему, девять пьес одновременно. И главное, я был впервые свободен от этого ада цензуры. К примеру, мою пьесу о Сократе репетировали шесть лет - все не разрешали постановку. Целых шесть лет! За эти шесть лет ты уходишь очень далеко от своей работы, у тебя появляется абсолютное неприятие прежнего стиля (а если оно не появи-

Эдвард Радзинский.
История России - история катастроф

лось, то это ужасно). Так что, когда эти пьесы выходили, я был уже другой. Это была мука.

А после перестройки я мог писать пьесы, чтобы их тут же ставили, и тотчас писать новые. Это было потрясающее ощущение: я абсолютно тогда верил, что теперь смогу завоевать мировой театр. И... в этот момент я понял, что должен от этого отказаться.

Потому что с 1976 г. я писал свои истори-

ческие книги. И наконец сумел ее прочесть. Я скопировал ее и решил впечатать в компьютер... Это был 1988 год. У меня был один из немногих тогда частных компьютеров. Я начал печатать... И вдруг увидел все это... Девочек, защищавшихся от пуль руками, фрейлину, в безумии закрывавшуюся подушкой от пуль. Государя, упавшего, и его фу-

рышку, откатившуюся в угол, и наследника, ползающего по полу. И Юровского, входящего в плотный дым от выстрелов, чтобы застрелить беспомощного мальчика. Ужас был так силен. И компьютер вдруг остановился. Померк. Я звал всех, кто тогда умел чинить компьютеры, мне даже привели человека из американского посольства. Но они ничего не могли сделать. Была прожжена плата - кажется, так это называется. Прожжена моим ужасом - так я объяснил себе. Компьютер умер. Навсегда. Я потерял 500 страниц работы. И знаете... Был счастлив! Я понял, что я освободился от каторги. И могу снова вернуться к своим пьесам, к той веселой легкой театральной жизни. Я понял, как устал от долгой работы, от постоянного соседства с трупами несчастной семьи. Так что баста - назад, в Театр, в эту выдуманную реальность, в этот сумасбродный ликующий легкий мир, но...

И я вернулся. Но понял - не надо писать роман. Нужно писать документальную книгу. Ибо она и есть - самый захватывающий роман. И я продолжил поиски материалов об убийстве царской семьи. И постепенно нашел показания других участников расстрела. Почти все они написали одну и ту же фразу: "То, что случилось в этом подвале, не узнает никто". И писали они свои воспоминания для секретных архивов, где хранилась подлинная история Ордена Мечеслава (как называл Иосиф Виссарионович партию большевиков). Но не учли предупреждения Господа: "Нет ничего тайного, что не стало бы явным".

Так что, соединив их показания, я получил всю поминутную историю зверского убийства. Для меня это было, как бы точнее сказать, опущением Божьей воли, и оно меня потрясло. И с этой минуты я знал точно, что служу ему, и потому книга выйдет, и выйдет всюду. И документы с пугающей легкостью шли ко мне. Например, ту сенсационную телеграмму, доказывающую, что это Владимир Ильич распорядился о расстреле Романовых, я не искал. Я просто открыл случайное архивное дело именно на этой телеграмме (ее опубликуют потом во множестве европейских газет). И через неделю мне прислали из Куйбышева неопубликованные показания охранника Ленина, который отправлял эту телеграмму.

Я написал свою трилогию и выполнил то, что обещал себе, - издана во всех европейских странах, в Америке и Японии. Эти биографии оказались поистине увлекательными романами, написанными Историей. Я лишь записывал за Ней. Этот жанр литературы, думаю, станет мощным в наступившем столетии. Ибо человечество должно подвести итоги. Что же случилось за эти две тысячи лет после прихода на землю Господа. И почему Его Слово так мало воспринято человечеством. И почему стрела Христианства так далеко от нас улетела, а мы за две тысячи лет так к ней и не приблизились.

Подготовила Ольга ШАБЛИНСКАЯ
Фото Сергея ИВАНОВА

«Человечество должно подвести итоги. Что же случилось за эти две тысячи лет после прихода на землю Господа».

ческие книги. Писал в стол, без надежды напечатать. Писал их, то оставляя, то возвращаясь к ним. Это были история Николая II и история Сталина. У меня было мало документов - все больше домыслы или рассказы очевидцев. И вот грянула перестройка. Открылись, точнее, приоткрылись архивы. И я понял: пора! Но, выпускник Историко-архивного института, я также понял, что это будет гигантская работа и совмещать ее с театром, с пьесами мне не удастся. Нужно было выбирать... И я выбрал. Я решил рассказать миру, что с нами случилось, почему произошла катастрофа с Россией, почему страна, которая называлась Святой Русью, так легко вступила в этот ад - разрушила свои церкви и т. д. Это был целый ряд сложнейших вопросов, на которые я тогда не имел ответа. И получал я их, работая над книгой. Точнее, над трилогией. Последний царь (Николай II), Первый большевистский царь (Сталин) и грешный Мужик (Распутин) - предтеча тех сотен тысяч мужиков, которые затоптали царские дворцы, разрушили свои храмы и в конце концов погубили самих себя...

«Юровского к телефону!»

ПЕРВОЙ была История Николая II. Я начал писать "Николая II" как роман. В это время я нашел в архиве Записку Юровского о расстреле Романовых. Она не была тогда опубликована здесь. Мне выпала страшная обязанность опубликовать ее в России. Я нашел ее в архиве Октябрьской революции. Вначале мне ее не давали, я был вынужден вычислить

ее существование. И наконец сумел ее прочесть. Я скопировал ее и решил впечатать в компьютер... Это был 1988 год. У меня был один из немногих тогда частных компьютеров. Я начал печатать... И вдруг увидел все это... Девочек, защищавшихся от пуль руками, фрейлину, в безумии закрывавшуюся подушкой от пуль. Государя, упавшего, и его фу-

рышку, откатившуюся в угол, и наследника, ползающего по полу. И Юровского, входящего в плотный дым от выстрелов, чтобы застрелить беспомощного мальчика. Ужас был так силен. И компьютер вдруг остановился. Померк. Я звал всех, кто тогда умел чинить компьютеры, мне даже привели человека из американского посольства. Но они ничего не могли сделать. Была прожжена плата - кажется, так это называется. Прожжена моим ужасом - так я объяснил себе. Компьютер умер. Навсегда. Я потерял 500 страниц работы. И знаете... Был счастлив! Я понял, что я освободился от каторги. И могу снова вернуться к своим пьесам, к той веселой легкой театральной жизни. Я понял, как устал от долгой работы, от постоянного соседства с трупами несчастной семьи. Так что баста - назад, в Театр, в эту выдуманную реальность, в этот сумасбродный ликующий легкий мир, но...

У меня нет своей дачи. В те годы я ее всегда снимал на Николиной Горе. Наступила зима. И я снял очередную дачу. И вот однажды посреди ночи меня разбудил телефон. И жесткий голос повелительно сказал: "Юровского к телефону!" Да-да - Юровского!

Я бросил трубку - и опять звонок. Голос продолжал звонить. В конце концов, содрогаясь от ужаса, я выдрал телефон из розетки. Утром я

вышел (я снимал отдельный домик) и увидел хозяйку. Я осторожно спросил: "Ночью странный голос спрашивал какого-то Юровского..." Она сказала: "Это фамилия моего сына от первого брака. Это, должно быть, его пьяный товарищ. Вы уж простите".

Кончилась зима, мне понадобилась дача - уже на лето. Я пошел к своему другу, пианисту знаменитому, Николаю Петрову - просить помочь. Он сказал: "Тебе очень повезло. Сдают. Поезжай - не медли". Я записал адрес и спросил фамилию. Он ответил: "Романовы". И я понял: от Юровского - к Романовым. Я оценил голос Судьбы: я должен был вернуться к работе.

И я вернулся. Но понял - не надо писать роман. Нужно писать документальную книгу. Ибо она и есть - самый захватывающий роман. И я продолжил поиски материалов об убийстве царской семьи. И постепенно нашел показания других участников расстрела. Почти все они написали одну и ту же фразу: "То, что случилось в этом подвале, не узнает никто". И писали они свои воспоминания для секретных архивов, где хранилась подлинная история Ордена Мечеслава (как называл Иосиф Виссарионович партию большевиков). Но не учли предупреждения Господа: "Нет ничего тайного, что не стало бы явным".

Так что, соединив их показания, я получил всю поминутную историю зверского убийства. Для меня это было, как бы точнее сказать, опущением Божьей воли, и оно меня потрясло. И с этой минуты я знал точно, что служу ему, и потому книга выйдет, и выйдет всюду. И документы с пугающей легкостью шли ко мне. Например, ту сенсационную телеграмму, доказывающую, что это Владимир Ильич распорядился о расстреле Романовых, я не искал. Я просто открыл случайное архивное дело именно на этой телеграмме (ее опубликуют потом во множестве европейских газет). И через неделю мне прислали из Куйбышева неопубликованные показания охранника Ленина, который отправлял эту телеграмму.

Я написал свою трилогию и выполнил то, что обещал себе, - издана во всех европейских странах, в Америке и Японии. Эти биографии оказались поистине увлекательными романами, написанными Историей. Я лишь записывал за Ней. Этот жанр литературы, думаю, станет мощным в наступившем столетии. Ибо человечество должно подвести итоги. Что же случилось за эти две тысячи лет после прихода на землю Господа. И почему Его Слово так мало воспринято человечеством. И почему стрела Христианства так далеко от нас улетела, а мы за две тысячи лет так к ней и не приблизились.

Подготовила Ольга ШАБЛИНСКАЯ
Фото Сергея ИВАНОВА

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

«АиФ» и Э. Радзинский представляют

ИВАН Грозный, Наполеон, Джакомо Казанова, Григорий Распутин, княжна Тараканова, Николай II и Сталин. В мировой и российской истории были люди, чьи имена до сих пор окружены мифами. Кто они были на самом деле? «АиФ» начинает публиковать исторические портреты этих личностей, а потом мы проведем викторину, на вопросы которой подписчики «АиФ» ответят без труда, если будут внимательно следить за публикациями Э. Радзинского в нашей газете. Призами для победителей станут роскошные книги знаменитого писателя и драматурга, выпущенные издательством «Вагрус», с именными автографами.

Подписка на «АиФ» продолжается!

Радзинский - Эдвард

Май 2003